

В. П. СТЕПАНОВ

К БИОГРАФИЯМ

А. И. КЛУШИНА, А. Д. КОПЬЕВА, П. П. СУМАРОКОВА

Публикуемые документы о трех не слишком известных писателях XVIII века имеют чисто биографическое значение. Они сохранились среди прошений разных лиц, поданных на высочайшее имя; в них перекрещиваются царствования трех монархов — Екатерины, Павла и Александра.

Форма таких прошений достаточно традиционна. Она сложилась в основном в царствование Екатерины II и мало изменилась с 1760-х годов. Прошения докладывались статс-секретарями; по возможности проверялись сведения о просителях и об основательности их просьб. Если отсеять каноническое славословие и самоуничижение, в документах такого рода всегда обнаруживается своего рода рациональное зерно, житейская интрига. Особенно это касается трех названных в заглавии лиц.

В прошениях Клушина, Копьева и Сумарокова нет речи о денежных вспомоществованиях или жалоб на произвол чиновников. Их обращение к монарху было вызвано экстремальными обстоятельствами в их жизни, которые нельзя было обжаловать в других инстанциях. Они требовали непосредственного обращения к высшей власти, монарху.

* * *

Современникам Клушин был известен прежде всего как автор имевшей шумный и несколько скандальный успех комедии «Смех и горе», поскольку она содержала ряд намеков на современную литературную жизнь. С исторической точки зрения фигура Клушина интересна потому, что он был другом Крылова. В «Послании другу моему А. И. К <лушину>» (1793) Крылов писал: «Не год как мы друзья с тобою, Как ты, мой друг, передо мною Малей-

шей мысли не скрывал, И сам в душе моей читал»¹ Для такого нелюдимого человека, как Крылов, подобные слова неожиданны и значили многое

Литературное сотрудничество Клушина и Крылова связано прежде всего с изданием журналов «Зритель» (1792) и «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793), в последнем Клушин был фактическим редактором. Во время издания последнего произошла довольно шумная полицейская история с обыском в типографии «Крылов с товарищи»,² относительно которой Карамзин в одном из писем к Дмитриеву интересовался, правда ли, что издателей «Зрителя» брали под караул.³ С этого момента начинается темный период в жизни как Крылова, так и Клушина. Оба они уезжают из Петербурга. О Клушине из сохранившегося прошения 1793 года⁴ известно, что он получил в конце 1793 года позволение уехать для ученья за границу, получив жалованье вперед за пять лет и не увольняясь со службы. Решение об этом записано в приложениях к Камер-фурьерским журналам за 1793 год. Известно также, что прежде этого, между февралем и октябрём 1793 года, он побывал на своей родине. В курской типографии в 1793 году было напечатано его стихотворение «А А Беклешову Портрет моей любезной сестры Подражание Анакреону». По преданию, Клушин доехал только до Ревеля, прожил полученные деньги и вернулся в Петербург.⁵ Сохранившееся в бумагах докладчиков — статс-секретарей более позднее прошение Клушина от 1797 года, завершающее эпопею его поездки за границу, позволяет уточнить, когда и при каких обстоятельствах он вернулся в Петербург.

Прошение показывает, что он провел в Ревеле по крайней мере три года. Это обстоятельство делает маловероятным, даже почти невозможным принадлежность ему нескольких стихотворений, так или иначе связанных с городом Орлом. Среди них «Ответ к сочинителю Гласа невинности», с подписью «Клушин, живущий в Орле», опубликованное впервые Г. А. Гуковским в совместной с В. Н. Орловым статье «Подпольная поэзия 1770 — 1800-х годов».⁶ Оно свя-

¹ Крылов И. А. Сочинения. М., 1946. Т. 3. С. 250.

² Рождественский Н. В. Крылов и его товарищи по типографии и журналу в 1792 г. // Сборник главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889. Вып. 6. С. 337–359.

³ Письмо от 3 января 1793 г. // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 33.

⁴ Исторический вестник. 1897. № 5. С. 574–578, XVIII век. М., Л., 1958. Сб. 3. С. 517–518.

⁵ См. статью Б. Л. Модзалевского о Клушине в «Русском биографическом словаре» (Ибак-Ключарев. СПб., 1897, с. 746–753).

⁶ Лит. наследство. М., Л., 1933. Т. 9–10. С. 24–29.

зано с шумным делом, начатым в Сенате против графа П. С. Потемкина, племянника Г. А. Потемкина. Его обвинили в убийстве плененного во время кавказского похода шаха и присвоении его богатств. Обстоятельства гибели остаются невыясненными, как и вина Потемкина. Современники ясно просматривали за всем этим придворную интригу, борьбу Зубовых, новых фаворитов, против остатков прежнего потемкинского влияния. Но поскольку и в обществе отношение к бывшему фавориту, его многочисленным родственникам и друзьям было далеко не сочувственным, то на Павла Потемкина обрушились обвинения и в литературе, имевшей рукописное распространение. Когда П. С. Потемкин напечатал в свою защиту стихи «Глас невинности», появилось и «Возражение». Ответ на это «Возражение» и был опубликован в защиту Потемкина в «Литературном наследстве». Полемика должна быть отнесена к началу 1796 года, так как в том же 1796 году Потемкин неожиданно и загадочно скончался, а судебное дело против него прекратили. После этого выступления как «за», так и «против» лишились смысла. У Гуковского не возникло сомнений относительно авторства Клушина, поскольку под списком стихотворения стояло прямое обозначение автора: «Клушина, который живет в Орле». Однако ему пришлось оправдывать крайнюю слабость стихосложения, стилистику, скорее похожую на неумелое подражание Державину, чем на легкий и свободный стиль подлинно клушинских стихотворений.

Составители «Сводного каталога» выявили три печатных издания, два из которых неизвестным современником (надписи на форзаце) приписаны Клушину из Орла, а одно подписано литерой «К.»; все они написаны «на случай» и так или иначе связаны с местными орловскими событиями. Это две «оды» — на пожалование в генерал-майоры А. П. Квашнина-Самарина и «на рождение вел. князя Николая Павловича»; они были напечатаны в Москве в 1796 году, но вышли с пометой «сочинены в Орле»⁷ Кроме того, с такой же подписью во 2-й книжке «Аонид» (1797) была напечатана «Ода на сожжение в Орле фейерверка. . .» по случаю коронации Павла Петровича (5 апреля 1797 года). Прошение, как кажется, показывает, что к этим «орловским» сочинениям наш Клушин не может иметь отношение, поскольку он в это время находился в Ревеле. Расшифровка современниками инициала «К.», значащегося на печатных изданиях, именем А. И. Клушина, так же как и расшифровка подписи «Клушин» под списком «Возражения» на «Глас невинности» как «Александр Иванович» есть отра-

⁷ Сводный каталог русской книги гражданской печати М., 1964 Т. 3 № 4888, 1975 Дополнительный том. № 84, также с 115, доп. к № 4888

жение общей тенденции приписывать сомнительные сочинения более известному автору. На самом деле помета «Клушин, живущий в Орле», как нам представляется, имеет другой смысл и должна была отделить малоумелого автора стихов от другого Клушина, довольно известного петербургского литератора. В Орле действительно жил и служил брат Клушина, Николай Иванович, с которым наш Клушин начинал службу в Ливенском уездном суде копиистом. С 1793 года он был секретарем Орловского дворянского собрания, в 1795 году — ассессором Уголовной палаты, в которой и продолжал службу по крайней мере до 1813 года.⁸ Содержание стихов вполне соответствует местнопатриотическим настроениям провинциального дворянства

Стоит обратить внимание и на некоторые детали прошения, свидетельствующие о том, в каком щекотливом положении оказался Клушин в начале 1797 года.

Это достаточно рельефно отразилось в кратком «экстракте», который сделал из прошения, готовя его для доклада, дежурный статс-секретарь.

«Подпоручик Клушин из Ревеля, изъясняя, что покойная государыня императрица, снисходя на его просьбу, благоволила отпустить его в Геттингенский университет для продолжения наук с получаемым им тогда из Комиссии о дорогах жалованьем по 300 рублей, повелев выдать ему оные вперед за 5 лет, что по получении сего увольнения остался он на несколько времени в отечестве для изучения языков, а напоследок собравшись в прошлом году произвести намерение сие в действие выездом из России в предопределяемое ему место, удержан от того военными действиями французов, угрожавших всей Германии. Просит уволить его на два года в чужие края для приобретения более знаний и посвящения жизни своей для пользы службы, в противном же случае повелеть возвратиться ему в Петербург для испрошения места в статской службе».

РГИА, ф 468, оп 43, № 474

Из прошений, полученных по почте в Павловском июня 22 1797 г

Клушин уже знал по широко и быстро распространившимся слухам, что благоволение покойной императрицы бросает на него тень в новое, «анти-екатерининское», царствование и может послужить поводом к гневу и немилости Павла I Поэтому он, хотя и очень скромно, но вынужден изложить причины своего пребы-

⁸ См его формулярный список, доведенный до 1813 г РГИА, ф 1349, оп 3, № 1038 (список 39)

вания вместо службы — в Ревеле, дабы «обнажить душу свою пред высоким монархом и ни единой черты не скрыть».

С другой стороны, после указов Павла о невыезде за границу оказалось, что его паспорт более не действителен, а дело, для которого он получил отпуск, не выполнено. Все это он пыгается прикрыть рассказами об усердном изучении языков (надо заметить, что и ранее Клушин много переводил с французского), а также ссылками на разгорающуюся в Европе войну.

Вряд ли Клушин, будучи в Ревеле, этом перевалочном пункте для отъезжающих в Европу морем, не понимал, что выезд за границу ему заказан, как и всем прочим. Именно порты были перекрыты в первую очередь. Однако он просит об этом, хотя почти наверняка знает, что получит распоряжение вернуться в Петербург. Однако следует заметить, что сопряженный с этим отказ не вызвал и раздражения монарха. С 1799 года Клушин служит цензором при Российском театре; 21 декабря 1799 года указом Павла он произведен в титулярные советники.

«Всемиловивейший Государь!

Привязанность к наукам, желание усовершенствовать знания и способности, чтобы обратить их в пользу службы, были единственно побудительною причиною, что я осмелился припасть к освященному престолу почивающей в Бозе родительнице Вашего Императорского Величества со всеподданнейшим прошением о увольнении меня в Геттингенский университет для продолжения наук. Ее Величество обратила свои взоры на меня и высочайше благоволила отпустить меня сообразно с моим прошением и с получаемым тогда мною из Комиссии о дорогах в Государстве жалованьем по 300 рублей, приказав выдать их мне единовременно. Высочайшее о сем повеление последовало в октябре месяце 1793 года, в такое время, когда я издавал „Санктпетербургский Меркурий“ и продолжение которого кончилось в мае 1794 года.

Кто имеет правила честные, виды благонамеренные, сердце преданное престолу, тот должен обнажить душу свою пред высоким монархом своим и ни единой черты не скрыть. Таков я в отношении к священной особе Вашего Императорского Величества.

Осмеливаясь всеподданнейше просить родительницу Вашего Императорского Величества о увольнении меня на пять лет, имел я в виду остаться несколько времени в отечестве для выучения языков и для других нужных начальных познаний, дабы готовым быть слушать с большим успехом преподавание наук в университете. Выучил столько французский язык, чтобы разуметь авторов,

переводить их и изъясняться, начал немецкий, для окончания которого нужно еще несколько месяцев, и рассчитывая время, сколько надобно для выслушания наук, которые преподаются в Геттингенском и Лейпцигском университете в течение полутора года; и рассчитывая деньги, пожалованные мне родительницею Вашего Императорского Величества, из которых некоторая небольшая сумма употреблена мною на изучение языков, собрался я выехать из отечества в начале ноября месяца прошлого года, перед самым восшествием на престол высочайшей Вашей особы. Ибо кроме учения языков, кровавое оружие, обращенное на всю Германию злодеями и человечества, и всеобщего покоя угрожало и тем местам, где мне быть должно, и удерживало меня в России.

Ежели бы паспорт, данный мне из Иностранной коллегии в царствование родительницы Вашего Императорского Величества, был и действителен, и тогда бы не смел я сделать шага из отечества, не имея счастья отнести к особе Вашей и не зная высочайшей воли моего государя, которая составляет все благосостояние мое и все мои законы.

Всеавгустейший монарх! Припадая к священным стопам Вашим, испрашиваю высочайшего Вашего Императорского Величества повеления о увольнении меня на два года в чужие края, как человека, которого цели благонамеренны, желания чисты и непорочны, который ничего более в виду не имеет, как чтобы приобресть более знаний, посвятить жизнь свою для пользы службы и исполнения ее с лучшим успехом, вступая вновь в статскую службу.

Воля всеавгустейшего монарха решить судьбу мою. Для сего приехал я в Ревель, что если удостоюсь милосердного воззрения Вашего Императорского Величества, то чтобы отправиться на корабле в Любек, а оттоль в Геттинген или Лейпциг. Ежели же последует высочайшее повеление остаться мне в России, то чтобы возвратиться в Петербург для испрошения места в статской службе.

Припадаю к священным стопам,
всемиловитивейший государь!

Вашего Императорского Величества верноподданный
подпоручик Александр Клушин.

Ревель
июня 7 дня
1797 года».

*РГИА, ф 468, оп. 43, № 508, л 57а–57б
Помета о получении июля 22, 1797 года*

Стоит также отметить, что путешествие в Прибалтику не осталось бесследным и в литературной деятельности Клушина. Уже после его смерти в цензуру Московского университета поступила рукопись «Письма в проезд к Ревелю Клушина».⁹ Факт этот любопытен в истории русской литературы «путешествий». Издания под таким именем, кажется, не существует, по крайней мере оно не проходит по известным справочникам.

* * *

Поэт Панкратий Сумароков известен больше как издатель в Тобольске первых сибирских журналов, хотя позднее, после Карамзина, он также редактировал «Вестник Европы» (1804). Дворянин, корнет, привилегированного полка конной гвардии, он оказался в Сибири как уголовный преступник, заурядный фальшивомонетчик.¹⁰ Необычайно суровый приговор ему — лишение чинов и дворянства, ссылка в Тобольск — носил в значительной степени общественно-назидательный характер, так как Екатерина II крайне боялась роста недоверия к ассигнациям, выпущенным в оборот по ее инициативе в 1769 году и позволявшим в какой-то мере поддерживать стабильность бюджета. Публикуемое прошение показывает, что будучи, уголовным преступником, Сумароков получил право вернуться из Сибири по особому распоряжению Александра I, а не на общих основаниях для всех пострадавших во время царствования Павла.¹¹

По отношению к Сумарокову указ императора был милостив, но юридически неполон. Переставая быть ссылкой, он не получил юридических прав, связанных с принадлежностью к дворянскому сословию, прежде всего на владение землей, крепостными и совершение сделок в этой сфере. О возвращении прав состояния и просит Сумароков. Из прошения ясно, что Сумароков вернулся в Москву в 1801 году, сразу после получения в Тобольске указа об освобождении, и воспользовался для подачи прошения пребыванием здесь двора по случаю коронации. Приложенные к прошению аттестат и свидетельство показывают, что во время ссылки он, не имея права устроиться на государственную службу, зарабатывал на жизнь

⁹ РГИА, ф. 733, оп. 95, № 182, л. 25 об., № 159.

¹⁰ Делом его интересовалась императрица; запись об этом есть в «Дневнике» А. В. Храповицкого (СПб., 1874. С. 25–26 — запись от 20 февраля 1787 г.)

¹¹ См. *Альтшуллер М. Г.* Тобольский поэт и журналист // Сибирские просторы, 1963 № 1 С. 190

учительством в купеческой семье и оставил о себе в Тобольске хорошую память.

«Всемиловитейший Государь!

В прошлом 1787 году, будучи в Конной гвардии корнетом, за нарисование ассигнации лишен я по суду чинов и дворянского достоинства и послан в Сибирь, где страдал четырнадцать лет и страдал бы вечно, если бы Всевысочайшим указом Вашего Императорского Величества от первого июля сего года не был освобожден с Всемиловитейшим позволением жить, где пожелаю.

Великий Государь! Неслыханные щедроты, изливаемые благодетельною десницею Вашею на счастливых Ваших подданных, отваживают меня паки вознести слабый глас мой к высоте престола Вашего.

Не от злодейского умысла, но единственно от неопытной молодости произошло мое преступление; оно велико, но милосердие Ваше беспредельно; во все же время изгнания моего вел я себя беспорочно, в чем осмеливаюсь представить свидетельства.

Удостойте, человеколюбивейший монарх, воззреть милосердным оком на бедственное положение моего семейства! Отец мой без ума, меньший брат на 22 году умер, несчастная же мать моя не имеет кроме меня никакой подпоры; но я теперь чужд в доме родительском и не могу усладить горестей ея, будучи лишен всех прав вступаться в распоряжение ея дел, которыми она по слабости своего здоровья сама управлять не в состоянии.

Боготворимый Государь! Обратив Высочайшее Ваше внимание на бедственное мое положение, благоволили Вы даровать мне свободу и обновили жизнь мою. Я чувствую всю великость милости на меня излианной; но благоволите довершить мое благополучие возвращением мне прав моих! Не имея никакого состояния, не имея даже имени, вижу я себя в страшной пустыне посреди столицы; вижу себя в ужасном уединении посреди множества людей, восхищающихся присутствием обожаемого Государя. Соделайте, несравненный монарх! да и я полным сердцем наслаждусь сим беспримерным счастьем!

В теперешних же обстоятельствах моих, не знаю я, что мне начать; не знаю какими средствами продолжить несчастное бытие мое. Самые даже родственники мои меня чуждаются. Сжальтесь же над злополучнейшим из смертных! Благоволите оправдать надежду несчастнейшей из матерей! Осушите горькие слезы беззащитного одиночества, беспрестанно ею проливаемые. Возвратите ей во мне единственного ея сына, да спокою я старость

ея и бедного отца моего, который если переживет ее, то останется без всякого призора.

Повергая себя к освященным стопам Вашим, есмь
 Всемиловитейший Государь!
 Вашего Императорского Величества
 Всепокорнейший
 Панкратий Сумароков».

Свидетельство

«Бывший лейб-гвардии Конного полку корнет Панкратий Сумароков, коему по именному Его Императорского Величества указу, состоявшемуся в 1-й день июля сего года, дозволено жить, где пожелает, во все время нахождения его в Тобольске вел себя добропорядочно. Жалоб и никаких частных на него неудовольствий ни от кого не было. Что сим и свидетельствуется с приложением обыкновенной герба моего печати.

Августа дня 1801 года».

*Подписан Тобольским гражданским губернатором
 Дмитрием Кошелевым*

*Вытиски из прошений разных лиц на имя императора из дел
 докладчиков — РГИА, ф 468, оп 43, № 474, л 78 об — 79*

Получено 28 сентября 1801 года

* * *

А Д. Копьев, драматург, из комедий которого наибольшей популярностью пользовалась «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмарка» (она ставилась до 1820-х годов), сам стал героем устных преданий.¹² В этой литературе он оказался одним из первых героев — насмешников над павловскими мундирными нововведениями и одной из первых жертв нового царствования. Рассказ о том, как он утрировал до нелепости новую форму и пострадал за это, известен во множестве вариантов. О реальной основе этого рассказа пишет И. М. Долгоруков, хорошо знавший семью Копьевых, отец которого был его предшественником на посту пензенского вице-губернатора. «Старого вице-губернатора Копьева сын, малый молодой и дерзкий, бывши при Зубове с чином подполковника в звании рассказчика забавных повестей ему от скуки (ибо у таких вельмож, каков был Зубов, и самые низкие плуты, не только высшей степени балагуры, имеют чины по ста-

¹² Несколько рассказов о нем вошли в сб «Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века» (М, 1990 С 83–84)

ту), приехал по смерти Екатерины повидаться с отцом, и проездом в Москве имел неосторожность выезжать в каком-то странном наряде публично, насмехаясь преобразованием войска и его одежды Павел любил все знать, тотчас к нраву его применились, везде появились шпионы, и Копьева проступок был у двора ведом Мы о сем ничего не знали, как вдруг прискакал в Пензу фельдъегерь, явился к губернатору, схватил Копьева и отвез в кибитке в Питер, где он за неудачные свои шутки заплатил изрядным заключением в крепости»¹³

Распоряжение об аресте Копьева состоялось 15 декабря 1796 года Судя по публикуемому прошению, которое помечено местом расквартирования полка, и аттестату, выписанному там же, в крепости он пробыл недолго и был прощен Павлом, скорым на решения Показателен страх, который овладевал людьми при Павле I перед принятием любых самостоятельных решений Командир полка не решился предоставить отпуск офицеру в связи со смертью отца, что при Екатерине II было общепринято Обоснованность просьбы Копьева о необходимости устроить семейные дела подтверждает и прошение его матери, направленное императору месяцем позже Что касается самого Копьева, то он, видимо, в течение павловского царствования оставался на военной службе К 1801 году он имел чин генерал-майора

«Всемиловейший Государь!

Принужден будучи несчастьем моим, а монаршим благоволением Вашим ободрен, осмеливаюсь повергнуть к стопам Вашего императорского Величества всеподданнейшую просьбу

Никогда собственное состояние мое столько не огорчало меня как то, в которое я знаю, что известие обо мне повергнет бедного отца моего Его ударил паралич и прекратил жизнь его от первых слухов обо мне, мать в старости и четыре сестры сироты почти без пропитания живут теперь посреди расстроенного имения, которого и совершенная потеря не умножила бы горести моей о невозвратном моем уроне, но несчастливая семья сия одну надежду имеет на меня и зовет поправить дела наши в такое время, в которое шеф генерал-лейтенант Елагин отпустить меня не может, хотя приложенный при сем аттестат его докажет Вашему Императорскому Величеству мысли начальника моего обо мне Одна надежда к получению отпуска осталась на милосердие Ваше, Всемиловейший Государь! Простите, ежели в то время,

---

¹³ Долгоруков И М Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни Пг, 1916 С 359

когда Вы возлагаете на себя корону половины света, утруждает Вас огорченный сын потерю достойнейшего отца, в утешении которого он счастье свое полагал, и жизнь моя не иначе нужна мне осталась как для доказательства Государю моему, что я был достоин всемилостивейшего благоволения Его.

Слово Ваше может повергнуть в бездну бедствия и горести, но может и воскресить того, кто столько чувствует цену его как Вашего Императорского Величества Всемилостивейшего Государя

верноподданный
полковник Алексей Копиев.

Невель
марта 31 дня 1797 года».

Аттестат

«Дан сей от меня вверенного мне Псковского драгунского полка полковнику Копиеву в том, что со времени вступления его в оный, находясь при полку налицо, исправлял должность свою всегда порядочно, и будучи употреблен мною при усмирении бунту в Себежском уезде, исполнил все препорученное ему с тем усердием и ревностию к службе Его Императорского Величества, которые всякому исправному и расторопному штаб-офицеру иметь надлежит. Во свидетельство чего и дан ему сей аттестат в Невеле марта дня 1797 года».

*Аттестат подписан генерал-лейтенантом от кавалерии
Псковского драгунского полка шефом Василием Елагиным*

РГИА, ф 468, оп 43, № 480, л 63—65 об

Из прошений, полученных в Москве по почте апреля 11, 1797 года

«Вдова статского советника Копьева <исправлено из Копиева> из Пензы, изъясняя о беспорочной службе мужа своего до последнего изнеможения сил его говорит, что по увольнении от оной во время бытности пензенским вице-губернатором пожалован был ему половинный пенсион, который составлял пропитание всего их семейства, ибо не только не приобрел никакого стяжания, но и часть своего имения продал для воспитания детей; что по смерти его осталась она обремененная старостию, с 4 дочерьми, достигшими до совершенного возраста без всякого к содержанию пособия. Просит о пожаловании детям ее в наследие пенсия, коим пользовался их отец».

Выписки из прошений разных лиц на имя императора, из дел докладчиков — РГИА, ф 468, № 472, л 21 об